

Обзорная статья | Review paper

Социальная идентичность как фактор отношения молодежи к межстрановой интеграции в эпоху глобализации

В.В. Гриценко¹ ✉, В.А. Шорохова¹, А.И. Узойкина¹, Е.А. Цыплакова¹, Н.В. Мурашченкова²

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Москва, Российская Федерация

✉ gricenkovv@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В условиях глобальной напряженности и усиления санкционного давления на Россию особую значимость приобретает изучение факторов, влияющих на отношение российской молодежи к интеграции между странами. Известно, что одним из ключевых факторов, оказывающим влияние на восприятие и оценку происходящих интеграционных процессов между государствами, является социальная идентичность. Однако в отечественной психологии потенциал социальной идентичности в качестве социально-психологического ресурса для формирования отношения молодежи к межстрановой интеграции до сих пор не раскрыт. **Цель.** Проанализировать зарубежные исследования, раскрывающие роль социальной идентичности в формировании отношения молодежи к межстрановой интеграции. **Методы и материалы.** Теоретический анализ статей, найденных по ключевым словам «social identity», «attitude to international integration», «international integration», «intergroup interaction», «international cooperation», «intergroup contact», «intergroup threat» в международных наукометрических базах. **Результаты.** Выявлена двойственная роль различных видов социальной идентичности в оценке межстрановой интеграции. Высокий уровень этнической, национальной (гражданской) и глобальной идентичности может выступать как барьером, так и ресурсом для формирования позитивного восприятия интеграционных процессов в зависимости от характера межгруппового взаимодействия между странами. **Выводы.** Базовыми параметрами, опосредующими взаимосвязь социальной идентичности и отношение молодежи к межстрановой интеграции, являются сложность самой социальной идентичности; качество и глубина межгруппового контакта; уровень воспринимаемой межгрупповой угрозы.

Ключевые слова: социальная идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, глобальная идентичность, отношение к межстрановой интеграции, межгрупповое взаимодействие, Европейский Союз, Евразийский Союз, межгрупповой контакт, межгрупповая угроза, молодежь

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-01020, <https://rscf.ru/project/25-18-01020/>

Для цитирования: Гриценко, В.В., Шорохова, В.А., Узойкина, А.И., Цыплакова, Е.А., Мурашченкова, Н.В. (2026). Социальная идентичность как фактор отношения молодежи к межстрановой интеграции в эпоху глобализации. *Современная зарубежная психология*, 15(1), 27–37. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150103>

Social identity as a factor of young people's attitude towards international integration in the era of globalization

V.V. Gritsenko¹ ✉, V.A. Shorokhova¹, E.A. A.I. Uzoikina¹, Tsyplakova¹, N.V. Murashchenkova²

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ gricenkovv@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. The global tensions and increasing sanctions pressure on Russia create the context when it seems particularly important to study the factors influencing Russian youth's attitudes toward cross-country integra-

tion. Social identity is known to be one of the key factors shaping perceptions and evaluations of integration processes between states is social identity. However, the potential of social identity as a socio-psychological resource for shaping youth attitudes toward international integration remains quite unexplored in the Russian context. **Objective** is to analyze foreign studies that examine the role of social identity in shaping youth attitudes toward cross-country integration. **Methods and Materials.** We used a theoretical analysis of articles from international scientometric databases on the research topic and based on the keywords: «social identity», «attitude to integration», «international integration», «intergroup interaction», «intergroup contact», and «perceived threat». **Results.** The study reveals that different types of social identity are ambiguously connected with cross-country integration. The nature of intergroup interactions between countries determines the youth perception of integration and a high level of ethnic, national (civic), and global identity acts as either a barrier or a resource of this process. **Conclusions.** The complexity of social identity itself, the quality and depth of intergroup contact, and the level of perceived intergroup threat are the key parameters mediating the relationship between social identity and youth attitudes toward cross-country integration.

Keywords: social identity, ethnic identity, civic identity, global identity, attitude to international integration, intergroup interaction, European Union, Eurasian Union, intergroup contact, intergroup threat, youth

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 25-18-01020, <https://rscf.ru/project/25-18-01020/>.

For citation: Gritsenko, V.V., Shorokhova, V.A., Uzoikina, A.I., Tsyplakova, E.A., Murashcenkova, N.V. (2026). Social identity as a factor of young people's attitude towards international integration in the era of globalization. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 15(1), 27–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2026150103>

Введение

Рост глобальной напряженности и усиление санкционного давления на Россию актуализируют потребность в создании новых международных союзов, расширении и укреплении уже существующих. Исследователи, изучающие проблемы межстрановой интеграции, солидарны в том, что будущее любого международного союза, его легитимность во многом зависят от одобрения его деятельности гражданами стран, входящих в союз (Кузнецова, 2018; Lubbers, Haverland, Zhelyazkova, 2026).

Особую значимость при оценке перспективных направлений межстрановой интеграции приобретают одобрение и их поддержка со стороны молодежи, поскольку именно молодежь выступает как «ресурс интеграции на евразийском пространстве» и «субъект трансляции ценностей интеграционных процессов будущим поколениям» (Рыбакова, Паламарчук, 2020, с. 137).

Ключевым психологическим фактором, влияющим на восприятие и оценку происходящих интеграционных процессов между государствами, по мнению зарубежных исследователей, выступает социальная идентичность (Dellmuth et al., 2022) как осознание значимости своей принадлежности к различным социальным группам (Tajfel, Turner, 1979). Однако отечественных исследований, посвященных изучению влияния социальной идентичности на отношение молодежи к интеграционным процессам между странами, мы не обнаружили. Стремление восполнить этот пробел побудило нас обратиться к теоретическому анализу имеющихся в зарубежной науке разработок по данной научной проблеме.

Целью исследования является обзор зарубежных научных публикаций, раскрывающих потенциал и роль социальной идентичности в формировании отношения молодежи к межстрановой интеграции.

Материалы и методы

Для поиска научных публикаций по теме исследования были использованы базы данных ResearchGate, The Wiley Journals Database, Springer Link, Sagepub, известные своим обширным охватом статей в рецензируемых и высококачественных научных журналах. Поиск осуществлялся по ключевым терминам: «social identity», «attitude to international integration», «international integration», «intergroup interaction», «international cooperation», «intergroup contact», «intergroup threat». Поиск был ограничен англоязычными публикациями и проводился с учетом временного критерия (предпочтение отдавалось публикациям последних пяти лет). Также основными критериями отбора статей были их релевантность цели нашего исследования, актуальность и новизна публикаций, полнота и методологическая обоснованность материалов. В частности, мы ориентировались на работы, которые содержат как теоретический анализ, так и эмпирические данные, либо представляют комплексные обзоры по теме. Были исключены тексты, которые не содержали четкого фокуса на социальной идентичности и отношении к межгрупповому, межстрановому взаимодействию (например, исследования, касающиеся лишь политических или экономических интеграционных процессов без анализа идентификационных).

Результаты

Понятие и структура социальной идентичности в зарубежной социальной психологии

Социальную идентичность (СИ) традиционно определяют как результат процесса самоотождествления индивида с одной или несколькими социальными группами.

пами на фоне дифференциации от иных социальных групп. СИ выражается в чувстве общности с членами той группы, с которой происходит отождествление, и восприятию как ценности ее основных характеристик (Crocetti et al., 2023). Помимо этого, ученые выделяют такие характеристики социальной идентичности, как актуальность (*salience*) и значимость (*centrality*) (Gur, Mathias, 2021). Актуальность социальной идентичности отражает то, насколько та или иная идентичность выходит на первый план в процессе межкультурного взаимодействия. В то время как значимость является сравнительной категорией и отражает важность, которую люди придают своей «центральной» идентичности по сравнению с другими идентичностями.

Иной подход к структуре социальной идентичности отражен в работах Дж. У. Джексона и Э.Р. Смита, выделивших четыре основных компонента социальной идентичности: восприятие межгруппового взаимодействия, положительное отношение к членам своей ингруппы, убежденность во взаимозависимости членов ингруппы, деперсонализацию (Jackson, Smith, 1999). Данное исследование перекликается с работами Дж. Кемерона, в которых приводится трехкомпонентная структура социальной идентичности, включающая в себя когнитивную значимость принадлежности (т. е. количество времени, затрачиваемого на размышления о принадлежности к группе); отношение к ингруппе (чувства, вызванные членством в группе) и внутригрупповые связи (восприятие сходства, привязанности и принадлежности к другим членам группы) (Cameron, 2004).

Говоря о социальной идентичности, важно отметить, что она является не статичным, а динамическим образованием. Отдельное «динамическое» направление представлено подходами, определяющими социальную идентичность через межгрупповые отношения и взаимодействие. Примером такого подхода является теория разделяемой социальной идентичности (*shared social identity*) (Neville et al., 2022). Суть теории сводится к тому, что каждый из членов группы воспринимает ее как некоторую общность, объединяющую его с другими членами. Он ощущает близость с ними и предполагает, что другие члены группы воспринимают его аналогичным образом. На основании подобного восприятия члены группы оказываются способны вместе эффективно выполнять необходимую совместную деятельность.

Схожим образом, соотнося социальную идентичность с процессами межгруппового взаимодействия, Д.Е. Раст, Д. Книппенберг и М.А. Хогг разработали концепцию межгрупповой реляционной идентичности (*Intergroup relational identity*). Авторы описывают данный феномен как самоопределение с точки зрения членства в группе, которое во многом базируется на отношениях своей группы с одной или несколькими другими группами (Rast, van Knippenberg, Hogg, 2020). Это может стать основой для формирования идентичности более высокого порядка, включающей идентичности с ингруппой и аутгруппой.

В зарубежной социальной психологии социальную идентичность часто связывают с феноменами, основанными на социальном сравнении, такими как межгрупповая угроза, дискриминационные практики и воспринимаемая дискриминация (Verkuyten, 2021; Khan, 2021; Но, Kteily, 2025). В основе процессов социального сравнения могут лежать личностные особенности человека, такие, например, как самооценка. Дж.У. Джексон и Э.Р. Смит выявили значимые взаимосвязи самооценки человека с оценкой им качества ингруппы (Jackson, Smith, 1999). Более низкая и неустойчивая самооценка способствовала более однородному восприятию ингруппы, ее высокой оценке и более высокому уровню предубежденности к аутгруппам. То есть социальная идентичность может нести «защитную функцию» для самооценки человека, а предубежденность и дискриминационные практики могут формироваться на ее (СИ) базе как ответный защитный механизм. Так, С.Р. Хан отмечает, что у людей, которые придают большее значение членству в группе и идентифицируют себя с социальной группой, может наблюдаться большая склонность к социальному сравнению, и, как следствие, к развитию дискриминационных практик (Khan, 2021).

Механизмы формирования дискриминационных практик на основе социальной идентичности более подробно отражены в пятиэтапной модели развития социальной идентичности, представленной С.Д. Райхером, С.А. Хасламом и Р. Рат и дополненной М. Веркутенем (Verkuyten, 2021). Данная модель подсвечивает процессы формирования социальной идентичности, благодаря которым негативные действия в отношении других групп воспринимаются как приемлемые и правильные. Выделенные пять этапов обозначены как «идентификация», «исключение», «угроза», «добродетель» и «торжество». На первом этапе формируется идентификация со своей группой, на втором этапе на основании категорий «мы» и «они» более четко проявляются различия между своей и другими группами, дающие возможность выделить основные групподифференцирующие признаки. На третьем этапе («угроза») представители других групп могут рассматриваться как представляющие предполагаемую угрозу для своей группы. На четвертом этапе («добродетель»), как противопоставление «угрожающим другим», формируется понятие «внутригрупповой добродетели», подчеркивающее положительные стороны ингруппы и осуждающее негативные стороны аутгрупп. И наконец, на пятом этапе («торжество») аутгруппа начинает восприниматься как угроза «добродетелям» ингруппы, что обуславливает и делает полностью легитимной необходимость защищаться.

В социальную идентичность могут входить такие виды идентичности, как гендерная, этническая, расовая, национальная (или гражданская), религиозная, семейная, глобальная, региональная, профессиональная и др. Помимо основных типов СИ в современных исследованиях выделяют еще так называемые «неви-

димые» социальные идентичности (Duncan, 2020). Невидимые социальные идентичности — это те, которые нелегко определить по видимым признакам, и те, которые человек предпочитает открыто не демонстрировать, так как они не принимаются в обществе. Отношение к невидимым идентичностям может оказывать существенное влияние как на поведение самого носителя, так и на социальные правила и нормы, касающиеся взаимодействия с носителями.

Все виды социальной идентичности могут сочетаться друг с другом в различных комбинациях, которые часто ситуативно обусловлены. Таким образом, одной из значимых характеристик социальной идентичности является ее многомерность, что часто находит отражение в современных социально-психологических работах (Huang, Chen, Degner, 2025; Craith et al., 2024; Roth, Steffens, Strack, 2025).

Так, С. Роккас и М. Брюер в теории сложной социальной идентичности (Social identity complexity model) выделяли 4 типа мультиидентичности:

— «преобладание» (Dominance) — идентификация только с одной конкретной группой, например этнической;

— «пересечение» (Intersection) — идентичность, являющаяся комбинацией двух видов идентичностей (например, этно-конфессиональная);

— «дробление» (Compartmentalization) — в зависимости от ситуации человек способен переключаться между несколькими значимыми идентичностями. При актуализации одной из них остальные уходят на второй план;

— «слияние» (Merger) — интегративная идентичность, когда на основании нескольких подтипов идентичностей человек формирует новую сложную структуру, включающую элементы данных подтипов (Roccas, Brewer, 2002; Roth, Steffens, Strack, 2025).

Подобная мультиидентичность (или «смешанная» социальная идентичность — в терминах А. Хуан и коллег), имеющая многокомпонентную структуру, может, с одной стороны, отличаться сложностями в процессе формирования и «переключения» в зависимости от ситуации, а с другой стороны, обеспечивать более высокую адаптивность в ситуациях неопределенности (Huang, Chen, Degner, 2025).

На базе смешанной или сложной социальной идентичности могут формироваться идентичности более высокого порядка (superordinate identity). Они могут, с одной стороны, включать в себя две (и более) рядоположенные идентичности с социальными группами (например, с двумя этническими), а с другой стороны, объединять членов аутгруппы и ингруппы в одну более широкую категорию. Примером такой социальной идентичности может являться европейская идентичность, объединяющая представителей различных гражданских и этнических сообществ Европы (Craith et al., 2024). Подобная социальная идентичность более высокого порядка часто рассматривается во взаимосвязи с отношением к международным организациям и

объединениям (в большинстве случаев к ЕС) (Cinnirella, Hamilton, 2007; Kostakopoulou, 2024).

Следует отметить, что социальная идентичность более высокого порядка может положительно восприниматься представителями групп, входящих в сообщество (например, в ЕС) и играть роль объединяющего фактора (Borz, Brandenburg, Mendez, 2022). Ключевыми функциями европейской коллективной идентичности (термин коллективная идентичность упоминается как синоним социальной), по мнению авторов, являются:

— легитимирующая: политические решения Европейского союза воспринимаются как легитимные, выражающие волю граждан политического объединения;

— интеграционная: идентичность помогает преодолеть национальные различия, опираясь на общие ценности ЕС;

— стабилизирующая: в условиях кризисов (экономических, миграционных) общая идентичность снижает уровень националистических тенденций в странах-членах ЕС (Borz, Brandenburg, Mendez, 2022).

Иными словами, европейская идентичность выступает условием объединения разных национально-политических единиц с сохранением их культурной специфики и национальных особенностей (Kostakopoulou, 2024; Konings, De Coninck, d'Haenens, 2023). Такая идентичность снижает уровень предубежденности, повышает доверие и готовность к сотрудничеству, усиливает поддержку наднациональных институтов (Borz, Brandenburg, Mendez, 2022).

Интеграция коллективной (европейской) идентичности с существующими идентичностями может принимать разные формы (Mayer et al., 2025; Mayer et al., 2026). Исследования показывают, что наиболее конструктивным способом «взаимодействия» европейской и национальных идентичностей является «двойная идентификация». При данном варианте европейская идентичность не заменяет собой в сознании носителя гражданскую идентичность. Они являются скорее рядоположенными и одинаково ценными для носителя (Mayer, et al., 2026). Подобная двойная идентификация способствует формированию позитивной социальной идентичности (Khadka, 2024; Kostakopoulou, 2024).

Таким образом, социальная идентичность может иметь сложную структуру и через различные аспекты межгруппового взаимодействия выступать в качестве важного ресурса при формировании интеграционных процессов.

Социальная идентичность и межгрупповое взаимодействие: роль межгруппового контакта

Значимую роль при восприятии межстрановой интеграции может играть межгрупповой контакт как предпосылка формирования любых отношений между группами. Так, позитивный межгрупповой контакт снижает предвзятости за счет понижения уровня межгрупповой тревожности, повышения эмпатии и принятия другой точки зрения, а также за счет увеличения знаний о дру-

гой группе (Policardo, Karataş, Prati, 2025). Метааналитические данные демонстрируют устойчивое позитивное влияние положительного контакта на установки, доверие и эмпатию в межгрупповом контексте (т. е. к представителям аутгруппы) (Marinucci et al., 2021; Paolini et al., 2024; Todd, Chakravarty, McEvoy, 2025).

Важно отметить, что контактные взаимодействия опосредуют не только отношение к аутгруппе, но и структуру внутригрупповой идентичности (Policardo, Karataş, Prati, 2025). Встреча с разными людьми может инициировать процесс когнитивной дифференциации, формируя сложные идентичности — т. е. люди осознают, что принадлежат к нескольким категориям, и признают, что эти категории не всегда пересекаются (Paolini et al., 2024).

Другие исследования показали, что межгрупповые контакты при определенных условиях могут мотивировать людей к принятию более инклюзивной общей идентичности внутри группы и включению идентичности с аутгруппой в собственный набор идентичностей (Page-Gould et al., 2022; Joyce, Sandras, Soliz, 2024), что может закономерно снижать предрассудки и дискриминацию в отношении членов аутгруппы.

Несмотря на общий позитивный эффект, действенность межгрупповых контактов может изменяться под влиянием институционального контекста и качества этого контакта. Так, в исследовании среди франкоговорящих студентов-медиков выявлены отрицательные связи между интеграцией иностранных студентов в учебный процесс и их социальной изоляцией, препятствующей развитию межкультурного взаимодействия (Neam, 2025). В то же время поверхностное межкультурное взаимодействие не оказывает достаточного влияния на снижение уровня негативных установок по отношению к аутгруппе (Dovidio et al., 2017). Таким образом, положительные межгрупповые контакты играют важную роль в формировании социальных идентичностей и могут служить механизмом снижения предрассудков и укрепления межкультурных отношений. Однако значимую роль будет играть не количество, а качество (глубина и уровень позитивности) межкультурных контактов.

Роль социальной идентичности в отношении молодежи к межстрановой интеграции в условиях межгруппового конфликта и воспринимаемой угрозы

Следует отметить, что межгрупповой контакт может иметь не только положительную направленность. Когда две социальные группы исторически находятся в негативных, конфликтных отношениях, они могут воспринимать саму идею сближения как нечто отталкивающее. Особенно ярко это может проявляться у возрастной группы молодежи, часто принимающей достаточно активное участие в политической и социальной жизни стран (Quaranta et al., 2023).

Большинство межкультурных взаимодействий, согласно теории межгрупповой угрозы, подвержено влиянию как реальных, так и мнимых угроз (Stephan,

Stephan, 2017). Эти угрозы могут носить реалистичный характер — опасение негативных последствий для группы или символический — страх за ценности, нормы или убеждения своей культуры. Восприятие угрозы зависит от предшествующих или текущих межкультурных отношений, характеристик групповой идентичности, а также ситуативных факторов (например, конкуренции между группами). Когда угрозы воспринимаются как реальные или вероятные, это может приводить к негативным эмоциональным реакциям, предубеждениям и враждебному поведению.

В исследовании, опубликованном в прошлом году (для понимания мотивов сопротивления респондентов политике социального равенства), использовалась модель мотивации и межгрупповой угрозы; было выявлено, что сильное чувство принадлежности к своей группе усиливает негативную реакцию на инициативы по расширению прав меньшинств или продвижению равенства (Ho, Kteily, 2025). Однако роль социальной идентичности при формировании реакции на угрозу не всегда однозначна. С одной стороны, люди с сильной идентификацией со своей группой мотивированы защищать ее статус и воспринимают угрозы как атаки на ценностную систему группы. Исследование Е. Кастано и коллег, проведенное на группах молодежи, показывает, что люди с высоким уровнем идентичности с ингруппой особенно чувствительны к угрозам групповому статусу и склонны реагировать агрессивно или оборонительно (Bagci, Stathi, Golec de Zavala, 2023). С другой стороны, отдельные исследования показывают, что акцент на таких аспектах социальной идентичности, как общие межгрупповые ценности и взаимные выгоды, может уменьшить восприятие угрозы и повысить уровень поддержки представителей аутгруппы среди скептически настроенных групп молодежи (Konings, De Coninck, d'Haenens, 2023).

Значимую роль в характере взаимосвязи социальной идентичности, воспринимаемой угрозы и межстрановой интеграции могут играть и внешние факторы. Так, наличие серьезных кризисов, таких, например, как пандемия COVID-19 и введенные в большинстве стран строгие меры социальной изоляции, послужили мощным катализатором политической интеграции европейских стран (Devine et al, 2023).

Изучая динамику поддержки и отношения к ЕС (включая и молодежные группы респондентов) Э. Ларсен и др. выявили, что террористические атаки в Берлине 2016 года усилили межгрупповую тревогу. Возникшая тревога способствовала положительному отношению к ЕС в Германии (Larsen, Cutts, Goodwin, 2020).

Таким образом, понимание механизмов возникновения воспринимаемой угрозы и роли социальной идентичности в межгрупповом взаимодействии является ключевым для разработки эффективных стратегий межкультурного диалога, в том числе среди молодежи.

***Роль этнической, национальной (гражданской)
и глобальной идентичностей в формировании
отношения молодежи к интеграционным процессам***

В рамках большого объема зарубежных работ акцент сделан на связи степени выраженности этнической и национальной (или гражданской) идентичностей (как видов социальной идентичности) с отношением населения стран-членов Европейского Союза к этому объединению. Исследования показали, что высокий уровень идентичности со своей страной связан с более низкой поддержкой членства в ЕС, более низким доверием к ЕС и его институтам и более высокой поддержкой выхода из ЕС (Clark, Rohrschneider, 2019; Clark, Rohrschneider, 2021).

Исследования, связанные с анализом вступления Турции в ЕС показывают, что высокий уровень этнической идентичности турецких граждан (в том числе молодежи) и их приверженность национальным ценностям могут выступать барьером для позитивного восприятия интеграционных процессов (Gregenli, Akal n, 2018). В то же время развитая европейская идентичность (как осознание принадлежности к европейскому культурному пространству), наоборот, связано с более благоприятным отношением к членству Турции в ЕС. При этом, чем сильнее у турецкой молодежи выражены приверженность национальным ценностям и этническое самосознание, тем негативнее отношение к интеграции Турции с ЕС. Другими словами, национальная и этническая идентичности выступают одними из самых сильных предикторов негативного отношения граждан Турции к интеграции с ЕС (Arikan, 2012).

Однако в литературе встречается и другая точка зрения: национальная идентичность и поддержка межстрановой интеграции (на примере ЕС) не обязательно исключают друг друга (Dalton, 2021). Это означает, что национальная идентичность играет неоднозначную роль и может как усиливать, так и ослаблять поддержку ЕС. Таким образом, национальная идентичность сама по себе не является препятствием для поддержки процесса международной интеграции, но в сочетании с этнической идентичностью либо в определенной (например, конфликтной) ситуации межкультурного взаимодействия может восприниматься как препятствие (Hooghe, Marks, 2009; Aichholzer, Kritzing, Plescia, 2021).

В исследовании М. Синнирела и С. Гамильтон на выборке, включающей молодежь, изучались чувства по отношению к национальной (британской), европейской и этнической идентичностям и отношение к Европе в двух группах британского населения: коренных «белых» британцев и «южноазиатов» (Cinnirella, Hamilton, 2007). Вывод о негативном характере взаимосвязей между национальной идентичностью и отношением к европейской интеграции подтвердился только в случае коренных белых британских респондентов. Таким образом, национальная (гражданская) идентичность резидентов одной страны может быть как поло-

жительно, так и отрицательно связана с идентичностью более высокого порядка (т. е. европейской) в зависимости от того, принадлежат они к этническому большинству или меньшинству данной страны (Cinnirella, Hamilton, 2007). Обнаруженная взаимосвязь представляется достаточно перспективной с точки зрения изучения и понимания отношения к межстрановой интеграции.

Попытка ответить на вопрос, в каких случаях национальная идентичность может одновременно усиливать и ослаблять поддержку ЕС, была предпринята также Дж. Айххольцер, С. Критцингер и К. Плесиа. Было выявлено, что граждане ЕС имеют разные профили национальной идентичности европейских граждан, которые по-разному соотносятся с поддержкой Европейского союза. В частности, профиль идентичности так называемых «беспристрастных противников» характеризуется самой низкой поддержкой европейской интеграции, за ними следует профиль «националистов». Напротив, «патриотические сторонники» чаще испытывают теплые чувства к ЕС, в то время как «умеренные и антинационалистические сторонники» представляют собой промежуточную группу, члены которой не испытывают ни особенно теплых, ни враждебных чувств к ЕС. Причем последние также явно отвергают любую форму аффективной национальной привязанности (Aichholzer, Kritzing, Plescia, 2021).

В ряде работ, посвященных интеграционным процессам и отношению к ним, национальная идентичность рассматривается в связке с идентичностью глобальной. Согласно обширному обзору исследовательских работ по данной тематике, проведенному Х. Ли и коллегами, были выделены 3 типа взаимосвязей, которые могут существовать между национальной и глобальной идентичностями (Li et al., 2025). Первый из них — это конфликтные отношения между вышеуказанными идентичностями, когда они воспринимаются как противоречащие друг другу. При таком типе связи люди с сильной национальной идентичностью склонны к меньшей поддержке глобальных инициатив и проявляют меньшую открытость к глобальному сообществу. Вторым типом отношений между национальной и глобальной идентичностями являются отношения параллельные. То есть люди могут одновременно ощущать принадлежность к своей стране и к миру в целом, но в их сознании данные идентичности не пересекаются. И, наконец, третий тип предполагает интегративные отношения, в которых национальная и глобальная идентичности объединяются. Такой тип способствует более высокой поддержке международных инициатив и межкультурному диалогу (Li, et al., 2025).

Что касается роли глобальной и национальной идентичностей в процессах межстрановой интеграции, то, согласно результатам исследований, высокий уровень глобальной (или космополитической) идентичности положительно связан с поддержкой международных организаций (Schlippshak, Sch fer, Treib, 2024). Люди, демонстрирующие высокие показатели гло-

бальной идентичности, склонны в большей степени одобрять решения международных организаций и воспринимать их как легитимные и заслуживающие доверия (Grimalda, Buchan, Brewer, 2023).

Одновременно, сильно проявленная национальная идентичность может снижать поддержку международных организаций, особенно если она воспринимается респондентами как противопоставленная или конкурирующая с глобальной (Buchan, et al., 2011; Li et al., 2025). Однако у участников с одновременно развитой национальной и космополитической идентичностью поддержка международных структур остается высокой, что говорит о важности баланса между данными идентичностями, что, в свою очередь, является ключевым фактором для успешной интеграции различных групп населения в международные организации (Schlipphak, Schfer, Treib, 2024). Данный вывод представляется крайне актуальным применительно к возрастной группе молодежи, так как именно люди этого возраста более склонны к формированию космополитической идентичности (Damiani et al., 2025).

Заключение

Анализ зарубежной научной литературы показал, что социальная идентичность, понимаемая как осознание своей принадлежности к различным социальным группам и эмоционально-ценностное отношение к этим группам, выступает значимым фактором, оказывающим влияние на отношение молодежи к межкультурной интеграции.

Немалая часть проанализированных нами работ содержит представления о СИ как феномене, имеющем устойчивую, четко заданную «статичную» структуру, компоненты которой отражают восприятие человеком интрагрупповых процессов и принадлежности к интруппе, а также отношение к членам своей группы. В то же время в ряде исследований акцент делается на социальной идентичности, имеющей гибкую, «динамичную» структуру и понимаемой как восприятие себя на основании отношений между интруппой и аутгруппой. В случаях угрожающего межгруппового взаимодействия (например, воспринимаемой дискриминации) социальная идентичность может выполнять «защитную функцию» для самооценки и оценки интруппы.

Значимое количество работ посвящено изучению взаимодействия между различными видами идентичности: этнической и национальной (гражданской); национальной и глобальной. На базе взаимодействия между разными видами идентичности может формироваться «сложная», «смешанная» социальная идентичность, демонстрирующая возможности человека одновременно идентифицировать себя с несколькими социальными группами. Этот же механизм может лежать в основе формирования идентичностей более высокого порядка (например, европейской или евразийской), приверженность к которым не исключает

одновременного отнесения человеком себя к гражданам конкретной страны, входящей в объединение. Сверх того, идентичность более высокого порядка (такая как европейская) часто рассматривается как предпосылка для формирования интеграционных процессов, в том числе в области межкультурного взаимодействия. Европейскую идентичность относят к категории коллективной, глобальной (или космополитической) и часто рассматривают в связке с национальными идентичностями. При этом национальная и глобальная идентичности не являются взаимоисключающими, напротив — именно их гармоничное сочетание является предпосылкой для формирования позитивного отношения к межкультурным объединениям (таким как Европейский или Евразийский экономический союзы).

Факторами, опосредующими взаимосвязь между социальной идентичностью (ее видами) и отношением молодежи к интеграционным процессам, являются качество и валентность межгруппового контакта. Глубокий и позитивный опыт межгруппового взаимодействия снижает уровень предубежденности по отношению к аутгруппе и способствует формированию сложных социальных идентичностей и идентичностей более высокого порядка. Если же межгрупповой контакт является отрицательным и отношения между группами — конфликтными, то аутгруппа воспринимается как угрожающая. Высокий уровень приверженности к своей социальной группе, с одной стороны, повышает чувствительность людей к межгрупповым угрозам. С другой стороны, восприятие межгрупповых ценностей как общих, а также наличие внешних консолидирующих факторов, снижают уровень воспринимаемой угрозы и способствуют межкультурным интеграционным процессам.

Таким образом, социальная идентичность и ее компоненты могут играть неоднозначную роль при формировании отношения молодежи к межкультурной интеграции. С одной стороны, она может выступать предиктором негативного отношения в случае негативного контакта и взаимодействия между странами. С другой стороны, формирование сложной интегративной идентичности и/или идентичности более высокого порядка (например, глобальной, включающей гражданские идентичности с обеими странами), может способствовать поддержке интеграционных процессов.

Подводя итог, отметим, что *ограничениями нашего исследования* являются, во-первых, разнородность методологического инструментария в рассмотренных источниках, что в определенной степени затрудняет сопоставление анализируемых результатов; во-вторых, основной акцент был сделан на анализе англоязычных источников, посвященных изучению интеграционного отношения молодежи к такому крупному объединению стран, как Европейский союз. Тем самым в фокус нашего внимания не попали возможно имеющиеся исследования отношения молодых людей к другим межкультурно-

вым объединениям, как в Европе, так и в других частях мира, что может стать одним из перспективных направлений будущих научных изысканий.

Учитывая, что в отечественной психологии нет исследований, раскрывающих потенциал социальной идентичности для формирования отношения молодежи к межстрановой интеграции, представленный обзор зарубежных исследований открывает **перспективы** для проведения отечественных исследований в области анализа межстранового взаимодействия, отношения молодежи и других групп населения к этому

взаимодействию, а также психологических предикторов интеграции и сотрудничества между странами. В этой связи изучение структуры и сложности социальной идентичности, а также специфики межгруппового контакта (включая негативные его аспекты, репрезентируемые через воспринимаемую угрозу) станет основной целью нашего будущего исследования, посвященного изучению роли социальной идентичности в формировании отношения российской и белорусской молодежи к интеграции двух стран: России и Беларуси — в рамках Евразийского союза.

Список источников / References

1. Кузнецова, Е.В. (2018). Восприятие населением евразийской интеграции: Мониторинг общественного мнения. *Журнал исторических, политологических и международных исследований*, 1(64), 42—48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35124514> (дата обращения: 04.02.2026).
Kuznetsova, E.V. (2018). Perception of the peoples of Eurasian youth: Monitoring public opinion. *Journal of history, politics and international studies*, 1(64), 42—48. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35124514> (viewed: 04.02.2026).
2. Рыбакова, М.В., Паламарчук, А.В. (2020). Евразийская интеграция: Контент-анализ электронных ресурсов. *Научный результат. Социология и управление*, 6(2), 132—144. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-9>
Rybakova, M.V., Palamarchuk, A.V. (2020). Eurasian integration: Content analysis of web-resources. *Research result. Sociology and management*, 6(2), 132—144. (In Russ.). <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-9>
3. Aichholzer, J., Kritzing, S., Plescia, C. (2021). National identity profiles and support for the European Union. *European Union Politics*, 22(2), 293—315. <https://doi.org/10.1177/1465116520980068>
4. Arıkan, G. (2012). Attitudes towards the European Union in Turkey: The role of perceived threats and benefits. *Perceptions: Journal of International Affairs*, 17(3), 81—103. URL: <https://www.researchgate.net/publication/284837654> (viewed: 04.02.2026).
5. Bağcı, S.C., Stathi, S., Golec de Zavala, A. (2023). Social identity threat across group status: Links to psychological well-being and intergroup bias through collective narcissism and ingroup satisfaction. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 29(2), 208—220. <https://doi.org/10.1037/cdp0000509>
6. Borz, G., Brandenburg, H., Mendez, C. (2022). The impact of EU Cohesion Policy on European identity: A comparative analysis of EU regions. *European Union Politics*, 23(2), 259—281. <https://doi.org/10.1177/14651165221076444>
7. Cameron, J.E. (2004). A three-factor model of social identity. *Self and Identity*, 3(3), 239—262. <https://doi.org/10.1080/13576500440000047>
8. Cinnirella, M., Hamilton, S. (2007). Are all Britons reluctant Europeans? Exploring European identity and attitudes to Europe among British citizens of South Asian ethnicity. *Ethnic and Racial Studies*, 30(3), 481—501. <https://doi.org/10.1080/01419870701217530>
9. Clark, N.J., Rohrschneider, R. (2019). The relationship between national identity and European Union evaluations, 1993—2017. *European Union Politics*, 20(3), 384—405 <https://doi.org/10.1177/1465116519840428>
10. Clark, N.J., Rohrschneider, R. (2021). Tracing the development of nationalist attitudes in the EU. *European Union Politics*, 22(2), 181—201. <https://doi.org/10.1177/1465116520988902>
11. Craith, I.N., Corbett, B., Toma i Humer, J., Tomovska Misoška, A., Maluku, E., Dautel, J.B., Taylor, L.K. (2024). Supraordinate identity integration in childhood: Intergroup implications of ethno-national and supraordinate identification in three divided societies. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 34(1), Article e2754. <https://doi.org/10.1002/casp.2754>
12. Crocetti, E., Albarello, F., Meeus, W., Rubini, M. (2023). Identities: A developmental social-psychological perspective. *European Review of Social Psychology*, 34(1), 161—201. <https://doi.org/10.1080/10463283.2022.2104987>
13. Dalton, R.J. (2021). National/European identities and political alignments. *European Union Politics*, 22(2), 340—350. <https://doi.org/10.1177/1465116521992878>
14. Damiani, V., Losito, B., Agrusti, G., Schulz, W. (2025). *Young Citizens' Views and Engagement in a Changing Europe: IEA International Civic and Citizenship Education Study 2022 European Report*. Cham: Springer Nature Switzerland. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-68631-3>
15. Dellmuth, L.M., Scholte, J.A., Tallberg, J., Verhaegen, S. (2022). The elite—citizen gap in international organization legitimacy. *American Political Science Review*, 116(1), 283—300. <https://doi.org/10.1017/S0003055421000824>

16. Devine, D., Valgarðsson, V., Smith, J., Jennings, W., Scotto di Vettimo, M., Bunting, H., McKay, L. (2023). Political trust in the first year of the COVID-19 pandemic: A meta-analysis of 67 studies. *Journal of European Public Policy*, 31(3), 657—679. <https://doi.org/10.1080/13501763.2023.2169741>
17. Dovidio, J.F., Love, A., Schellhaas, F.M.H., Hewstone, M. (2017). Reducing intergroup bias through intergroup contact: Twenty years of progress and future directions. *Group Processes Intergroup Relations*, 20(5), 606—620. <https://doi.org/10.1177/1368430217712052>
18. Duncan, K.B. (2020). Invisible social identity exercise. *Management Teaching Review*, 5(4), 324—334. <https://doi.org/10.1177/2379298118815249>
19. Göregenli, M., Akalm, P.K. (2018). The relationship between ethnic identity, European identity and attitudes towards EU. *Turk Psikoloji Yazilari*, 21, 35—37.
20. Grimalda, G., Buchan, N.R., Brewer, M.B. (2023). Global social identity predicts cooperation at local, national, and global levels: Results from international experiments. *Frontiers in Psychology*, 14, Article 1008567. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1008567>
21. Gur, F.A., Mathias, B.D. (2021). Finding self among others: Navigating the tensions between personal and social identity. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 45(6), 1463—1495. <https://doi.org/10.1177/10422587211038109>
22. Ho, A.K., Kteily, N.S. (2025). Using the sociopolitical motive intergroup threat model of intergroup relations to understand opposition to policies that promote social equality. *Social Issues and Policy Review*, 19(1), Article e12109. <https://doi.org/10.1111/sipr.12109>
23. Hooghe, L., Marks, G. (2009). A postfunctionalist theory of European integration: From permissive consensus to constraining dissensus. *British Journal of Political Science*, 39(1), 1—23. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
24. Huang, A.X., Chen, J.M., Degner, J. (2025). Being one or the other, both or neither: Self-categorization theory, social identity theory and the issue of mixed identities. *European Journal of Social Psychology*, 55(4), 727—743. <https://doi.org/10.1002/ejsp.3155>
25. Jackson, J.W., Smith, E.R. (1999). Conceptualizing social identity: A new framework and evidence for the impact of different dimensions. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 25(1), 120—135. <https://doi.org/10.1177/014616729902500101>
26. Joyce, N., Sandras, D., Soliz, J. (2024). Intergroup contact and intergroup dialogue: communicative pathways to addressing prejudice and intergroup bias. In: E. Nshom, S. Croucher (Eds.), *Research Handbook on Communication and Prejudice* (pp. 91—103). Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
27. Khadka, C. (2024). Social identity theory and group behavior. *TUTA Journal*, 12(1), 105—120. <https://doi.org/10.3126/tutaj.v12i1.74063>
28. Khan, S.R. (2021). Different and better than you: The interplay between social identity, moral identity, and social comparison. *Journal of Community Applied Social Psychology*, 31(5), 615—635. <https://doi.org/10.1002/casp.2549>
29. Konings, R., De Coninck, D., d'Haenens, L. (2023). The role of European and national identity and threat perceptions in attitudes towards immigrants. *Journal of Contemporary European Studies*, 31(2), 446—460. <https://doi.org/10.1080/14782804.2021.2007058>
30. Kostakopoulou, T. (2024). *Citizenship, identity and immigration in the European Union: Between past and future*. Manchester: Manchester University Press.
31. Larsen, E.G., Cutts, D., Goodwin, M.J. (2020). Do terrorist attacks feed populist Eurosceptics? Evidence from two comparative quasi-experiments. *European Journal of Political Research*, 59(1), 182—205. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12342>
32. Li, X., Meng, X., Ruiz, R.A., Wang, J., Liew, J. (2025). Types of relations between national identity and global identity and their associated factors: A scoping review. *International Journal of Intercultural Relations*, 105, Article 102142. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2025.102142>
33. Lubbers, T., Haverland, M., Zhelyazkova, A. (2026). National satisfaction vs. European support? Explaining attitudes towards the EU in candidate member states. *Journal of European Integration*, 48(1), 67—95. <https://doi.org/10.1080/07036337.2025.2489160>
34. Marinucci, M., Maunder, R., Sanchez, K., Thai, M., McKeown, S., Turner, R.N., Stevenson, C. (2021). Intimate intergroup contact across the lifespan. *Journal of Social Issues*, 77(1), 64—85. <https://doi.org/10.1111/josi.12399>
35. Mayer, A.M., Bobba, B., Jugert, P., Crocetti, E. (2026). Young Europeans — the interplay between short- and medium-term development of European identification across adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 55, 196—210. <https://doi.org/10.1007/s10964-025-02256-y>
36. Mayer, A.M., Crocetti, E., Eckstein, K., Noack, P., Jugert, P. (2025). Becoming European: Mid- and short-term development of a European identity among adolescents. *Identity*, 25(4), 467—485. <https://doi.org/10.1080/15283488.2024.2394874>
37. Neamț, N.S. (2025). Exploring perceptions of academic and social integration through intercultural competence development among French-speaking medical students. *Studia Universitatis Babe -Bolyai Philologia*, 70(2), 145—166. <https://doi.org/10.24193/subbphil.2025.2.07>

38. Neville, F.G., Novelli, D., Drury, J., Reicher, S.D. (2022). Shared social identity transforms social relations in imaginary crowds. *Group Processes & Intergroup Relations*, 25(1), 158—173. <https://doi.org/10.1177/1368430220936759>
39. Page-Gould, E., Harris, K., MacInnis, C.C., Danyluck, C.M., Miller, I.D. (2022). The intergroup perspective on cross-group friendship. In: B. Gawronski (Ed.), *Advances in experimental social psychology*, 65 (pp. 1—56). Cambridge: Academic Press. <https://doi.org/10.1016/bs.aesp.2021.10.001>
40. Paolini, S., Gibbs, M., Sales, B., Anderson, D., McIntyre, K. (2024). Negativity bias in intergroup contact: Meta-analytical evidence that bad is stronger than good, especially when people have the opportunity and motivation to opt out of contact. *Psychological Bulletin*, 150(8), 921—964. <https://doi.org/10.1037/bul0000439>
41. Policardo, G.R., Karataş, S., Prati, F. (2025). A blind spot in intergroup contact: A systematic review on predictors and outcomes of inter-minority contact experiences. *International Journal of Intercultural Relations*, 104, Article 102099. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2024.102099>
42. Quaranta, M., Cancela, J., Martín, I., Tsirbas, Y. (2023). Trust, satisfaction and political engagement during economic crisis: Young citizens in Southern Europe. In: E. Tsatsanis, M. Lisi, A. Freire (Eds.), *A Generational Divide? Age-related Aspects of Political Transformation in Post-crisis Southern Europe* (pp. 20—46). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003323143-2>
43. Rast, D.E., van Knippenberg, D., Hogg, M.A. (2020). Intergroup relational identity: Development and validation of a scale and construct. *Group Processes & Intergroup Relations*, 23(7), 943—966. <https://doi.org/10.1177/1368430219883350>
44. Roccas, S., Brewer, M.B. (2002). Social identity complexity. *Personality and Social Psychology Review*, 6(2), 88—106. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0602_01
45. Roth, J., Steffens, M.C., Strack, F. (2025). Multiple social identities: A cognitive consistency model on identity integration. *Self and Identity*, 24(7), 803—830. <https://doi.org/10.1080/15298868.2025.2526465>
46. Schlipphak, B., Schfer, C., Treib, O. (2024). Cosmopolitan identity, authority, and domestic support of international organizations. *The Review of International Organizations*, 1—20. <https://doi.org/10.1007/s11558-024-09573-0>
47. Stephan, W.G., Stephan, C.W. (2017). Intergroup threat theory. In: Y.Y. Kim (Ed.), *The International Encyclopedia of Intercultural Communication*. Hoboken: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118783665.ieicc0162>
48. Todd, J., Chakravarty, D., McEvoy, J. (2025). Youth repertoires and cosmopolitan horizons in deeply divided contexts. *The Sociological Review*. <https://doi.org/10.1177/00380261251338099>
49. Verkuyten, M. (2021). Group identity and ingroup bias: The social identity approach. *Human Development*, 65(5—6), 311—324. <https://doi.org/10.1159/000519089>

Информация об авторах

Валентина Васильевна Гриценко, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Валерия Альбертовна Шорохова, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5424-2350>, e-mail: shorokhovava@gmail.com

Алена Ильинична Узойкина, студентка магистратуры кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2220-6192>, e-mail: uzoikina.ai@gmail.com

Елизавета Александровна Цыплакова, студентка магистратуры кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4999-2994>, e-mail: elisatsy@mail.ru

Надежда Викторовна Муращенко, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Information about the authors

Valentina V. Gritsenko, Doctor of Science (Psychology), Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7543-5709>, e-mail: gricenkovv@mgppu.ru

Valeriya A. Shorokhova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5424-2350>, e-mail: shorohovava@mgppu.ru

Alena I. Uzoikina, Master Student of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2220-6192>, e-mail: uzoikina.ai@gmail.com

Elizaveta A. Tsyplakova, Master Student of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4999-2994>, e-mail: elisatsy@mail.ru

Nadezhda V. Murashcenkova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>, e-mail: ncel@yandex.ru

Вклад авторов

Гриценко В.В. — идеи исследования; планирование исследования; сбор и анализ данных; аннотирование, написание рукописи, контроль за проведением исследования.

Шорохова В.А. — идеи исследования; планирование исследования; сбор и анализ данных; написание и оформление рукописи.

Узойкина А.И. — идеи исследования; сбор и анализ данных; написание и оформление рукописи.

Цыплакова Е.А. — идеи исследования; сбор и анализ данных; написание и оформление рукописи.

Мурашченкова Н.В. — идеи исследования; планирование исследования; аннотирование; написание рукописи; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Valentina V. Gritsenko — ideas; planning of the research; data collection and analysis; annotation; writing of the manuscript, control over the research.

Valeriya A. Shorokhova — ideas; planning of the research; data collection and analysis; writing of the manuscript.

Alena I. Uzoikina — ideas; data collection and analysis; writing and design of the manuscript.

Elizaveta A. Tsyplakova — ideas; data collection and analysis; writing and design of the manuscript.

Nadezhda V. Murashcenkova — ideas; planning of the research; annotation; writing of the manuscript; control over the research.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 21.08.2025

Поступила после рецензирования 14.11.2025

Принята к публикации 04.12.2025

Опубликована 30.03.2025

Received 2025.08.21

Revised 2025.11.14

Accepted 2025.12.04

Published 2025.03.30